

Татьяна Сабурова

Коллективная автобиография: 'поколение 1880-х' в воспоминаниях и переписке А.В. Амфитеатрова.

The Collective Autobiography of the 'Generation of the Sixties' in the Memoirs and Correspondence by A.V. Amfiteatrov.

This article deals with the question of conflicts and continuity among the intellectual generations in Late Imperial Russia and in the period of post-revolutionary emigration through the works and private letters by Alexander Amfiteatrov, a journalist, writer and editor. The article focuses on the generation identity of the Russian intelligentsia as a reflection of the prominent social and political changes, a way to strengthen social solidarity and to declare new values of modernity. The generational discourse was formed by Russian literature and public thought, which created the 'Generation of the Sixties' as a pattern for the next generations of the Russian intelligentsia. Amfiteatrov identified himself with the 'Generation of the Eighties', describing this generation in different ways. The typical juxtaposition between the generation of the Sixties and the generation of the Eighties in the Russian society can be considered as a form of 'generation gap', a constant component of the generational consciousness, although the self-description of generations confirms the continuity rather than conflict between generations of the Russian intelligentsia. The idea of generation became one of the key elements to construct a social, political, and even national identity in the epoch of reforms and revolutions in Russia.

Проблема взаимоотношения 'отцов и детей' составляет один из важнейших элементов поколенческого дискурса. Автобиографическая проза, воспоминания, переписка А.В. Амфитеатрова (1862-1938), журналиста, писателя, драматурга, редактора, позволяют раскрыть проблему преемственности и конфликта поколений в российском обществе второй половины XIX в. и показать значение взаимодействия поколений в формировании коллективных идентичностей.

Понятие 'поколение' и поколенческая идентичность

Формирование поколенческой идентичности отражало социальные и культурные трансформации в российском обществе, особенности модернизационных процессов, социального взаимодействия. Проблеме поколений посвящены многочисленные исследования социологов, литературоведов, историков и др. Анализ работ, посвященных проблеме поколений как в теоретическом, так и прикладном аспекте, выполнен-

ных в рамках различных научных дисциплин, свидетельствует о складывании устойчивой исследовательской традиции, начинающейся в XIX веке, значительно обогащенной в XX веке, и продолженной в настоящее время. Основываясь на подходе К. Мангейма (Мангейм 2000), в данном случае поколение рассматривается как символическая общность людей, объединенных не только и не столько датой рождения, сколько переживанием общих современных им исторических событий, создающих самобытное коммуникативное пространство, социокультурные коды, и осознающих свое единство и отличие от других сообществ такого рода. Поколение выступает как один из возможных способов идентификации и самоидентификации, а также вариант осмысления и интерпретации исторического развития общества (Родигина, Сабурова 2011: 134). По мнению П. Нора, Французская революция стала основательницей идеи поколения в истории, “не столько потому, что она вызвала к жизни конкретное поколение (это поколение будет замечено лишь позднее, благодаря исторической ретроспекции), сколько потому, что она открыла, сделала возможной, приблизила, заложила вселенную перемен и тот эгалитарный мир, исходя из которого только и могло возникнуть “поколенческое сознание” (Нора 1998: 51). Таким образом, формирование понятия

поколения является одним из результатов модернизации общества и культуры, а возрастание его значимости и актуальности связано с ускорением модернизационных процессов, которое приводит к конфликту между старым и новым. Этот конфликт находит воплощение и в конфликте поколений. Следовательно, понятие поколения становится востребованным, прежде всего, в эпоху перемен, являясь способом осмысления происходящих процессов и событий. Поэтому отнюдь не случайным выглядит широкое использование понятия поколения при описании эпохи реформ 1860-70-х гг., так как поколенческая идентичность активно транслировалась в этот период представителями русского образованного общества и стала одним из вариантов самопрезентации русской интеллигенции. Акцентирование ситуации конфликта поколений в пореформенную эпоху, закрепленное в литературе и публицистике, прочно вошло в общественное сознание, создав устойчивые образы ‘шестидесятников’, которые отражали не только особенности самоидентификации революционно настроенной части русского общества, но и служили мощным средством в борьбе за следующие поколения.

Общественно-политическая мысль и литература 1880-х годов не смогла в силу ряда причин создать такие же яркие и запоминающиеся образы ‘своего’ по-

коления, как литература 1860-х годов, напротив, во многом под влиянием сформированных представлений о людях 1860-х годов, получило распространение мнение о 'затишье и безвременности' 1880-х, подчеркивавшее пустоту этих лет по сравнению с эпохой реформ. По мнению Б.В. Дубина, за поколенческими терминами скрывается история точечных, импульсивных "обвалов", "быстро-го истощения любого ресурса перемен без подхвата и дальнейшей передачи импульса", и между "критическими точками общих переломов находятся пропущенные, потерянные, нереализовавшиеся поколения (всегда нагруженная в России метафорика безвременья, паузы и пр.)" (Дубин 2002: 13). Ярким примером является определение эпохи 1880-х годов как "промежуточной, никчемной" в *Истории русской общественной мысли* Иванова-Разумника: "Бывают такие промежуточные эпохи идейного междуцарствия, о которых только и можно сказать, что вот перед этой эпохой было то-то, а после нее то-то; сама же она является каким-то пустым местом, дырой в области разума, промежутком. Конечно, и такой промежуточный период исторически необходим, но это плохое утешение для тех, кто имел несчастье выйти на историческую сцену именно около этого времени" (Иванов-Разумник 1997: 62). О сохранении стереотипа в воспри-

ятии 1880-х годов свидетельствуют и современные исследования, в том числе и по проблематике поколений. Например, И.Г. Яковенко пишет: "Эпоха Николая I не способствовала поколенческому самоопределению. Но кризис николаевской России и эпоха Великих реформ создают шестидесятников XIX в. Эпоха Александра III демонстрирует очередное безвременье. Следующее поколение связано с Серебряным веком" (Яковенко 2005: 113).

Возможно ли говорить о поколении 1880-х годов как о 'незамеченном' или 'пропущенном' поколении? Кто и почему не заметил это поколение? Или поколенческая идентичность и, следовательно, поколенческая солидарность была ослаблена в 1880-е годы? Сошлемся на мнение М. Чудаковой, которая полагает, что "в отличие от кризисных эпох поколение в стабильном обществе – преимущественно возрастная категория; связь между поколениями осуществляется путем более или менее плавной передачи традиции" (Чудакова 1998: 73-74). Таким образом, поколение 'проявляется' в ситуации конфликта между старым и новым как способ укрепления социальной солидарности, отражая остроту модернизационных процессов. С другой стороны, поколение может целенаправленно конструироваться, часто даже не современниками, а потомками, становясь частью

‘войн памяти’ (*memory wars*). Кроме того, необходимо учитывать, что принадлежность к какому-либо поколению как “воображаемому сообществу” (Б. Андерсон) на уровне самоидентификации всегда является результатом индивидуального выбора, поэтому особенно важно исследовать не только сами поколенческие конструкты, но и отношение к ним в обществе, определение круга лиц, разделяющих идею конкретного поколения, причисляющих себя к этому поколению, то есть выявить характер и содержание самоидентификационных исканий в контексте формирования поколенческой идентичности.

А.В. Амфитеатров сыграл особую роль в формировании образа поколения ‘восьмидесятников’ (роман *Восьмидесятники*, а также многочисленные статьи и воспоминания). При этом самоидентификация с ‘восьмидесятниками’ отчетливо проявляется у Амфитеатрова только в 1900-е годы, что возможно было связано с появлением следующего, ‘молодого’ поколения в русской литературе и общественной жизни, как необходимого условия для идентификации ‘старшего’ поколения, или наличием временной дистанции, позволяющей осознать различный поколенческий опыт, сформировать образ своего поколения. Таким образом, мы имеем дело с определенной ретроспекцией, взглядом на свое поколение

с исторической точки зрения, как на элемент прошлого, но сохраняющего свое значение для идентификации в настоящем. Следовательно, для нас важно определить ключевые способы репрезентации поколения ‘восьмидесятников’, конструируемые границы поколения и смыслы, вкладываемые в это понятие.

Модели конструирования поколенческой идентичности или способы поколенческой идентификации могут быть различны, основанием может выступать год рождения, общий исторический опыт (‘дети 1812 года’, ‘поколение 1914 года’), определенная эпоха (‘шестидесятники’), дополнением к которым является возрастной статус, чаще всего выраженный в категории ‘молодости’. В данном случае мы видим создание поколения на основании принадлежности к эпохе 1880-х годов как времени молодости, социализации, вхождения в общественную жизнь. Важно, что употребляя понятие ‘80-ки’, не имеют в виду только интеллектуальное или литературное поколение, но распространяют эти идентификационные признаки на более широкий слой российского общества, часть российской интеллигенции, отражающей изменение в системе ценностных ориентаций и общественных настроений.

В целом поколенческая риторика прочно утвердилась в российском обществе со второй поло-

вины XIX века, тесно связанная с публикацией знаменитого романа И.С. Тургенева *Отцы и дети*, прокламациями революционных организаций, созданием и активной трансляцией образа ‘шестидесятников’, ставшего ключевым для конструирования других поколений русской интеллигенции, хотя понятие поколения часто встречается и в литературе первой половины XIX века. Как показывает исследование С. Ловэлла, “к середине XIX столетия поколение стало для русских интеллектуалов важным способом осмысления своей истории и общества. [...] Лермонтов, Белинский, Герцен [...], все они видели в концепте поколение мощный источник самоопределения, способ самоидентификации, более мощный, чем классовый, культурный или национальный” (Lovell 2008: 590).

Поколение выступало новым способом социальной идентификации в условиях разрушения, размывания прежней традиционной социальной структуры, отражением поисков новых социальных градаций, и было чрезвычайно созвучным такому социально неопределенному понятию как ‘интеллигенция’. Исследуя социальную структуру российского общества второй половины XIX – начала XX вв., Э. Виртшафтер пришла к выводу об отсутствии жестких социальных границ, их “пористости”, и следовательно, размытости очертаний социаль-

ных групп (Wirtschaftler 1997). Несмотря на стремления государства закрепить социальную градацию, официальная сословная матрица мало соответствовала реальной социальной стратификации российского общества. Д. Бушнелл в рецензии на книгу Э. Виртшафтер обращает внимание на то, что она игнорирует способы самоидентификации в российском обществе, полагая, что анализ социальной идентичности, который фокусируется на способах культурного самоопределения, мог бы привести к другим выводам (Bushnell 1999: 1017-18). Соответственно, обращение к исследованию поколенческой самоидентификации может способствовать лучшему пониманию особенностей социальной структуры российского общества и облика российской интеллигенции.

Поколение ‘шестидесятников’ как идентификационный конструкт

Поколение ‘шестидесятников’ стало основой для конструирования в российском обществе образов следующих поколений (‘семидесятников’, ‘восьмидесятников’, ‘девяностыхников’), которые сравнивались с ним как с сильным предшественником, задавшим образцы поведения, независимо от позитивного или негативного отношения к опыту этого

поколения. По мнению И. Каспэ, “В отечественной традиции ‘литературное поколение’, как правило, определяется через фигуру сильного предшественника. Тем самым устанавливается предел возможностей новой генерации (‘серебряный век’ следует за ‘золотым’, ‘бронзовый’ – за ‘серебряным’), но за счет такого ограничения отвоевывается устойчивое место в высокой, большой литературе” (Каспэ 2005: 165). По аналогии с литературным поколением можно сказать, что русская интеллигенция, создавая свою историю как сообщества, также выстраивает единую цепь поколений (даже факт поколенческого конфликта подтверждает адресацию к предыдущему поколению), утверждая значимость интеллигенции как группы в целом и отдельных ее поколений, которые вписывают себя тем самым в историческую традицию.

Образ поколения ‘60-ков’ в творчестве Амфитеатрова является постоянным идентификационным конструктом, используемым для характеристики эпохи и отдельных лиц. Во-первых, это проявляется на уровне семьи, так отец Амфитеатрова, В.Н. Амфитеатров, неоднократно называется представителем поколения 1860-х, и семейный смысл поколенческих взаимоотношений отцов и детей соединяется с социальной трактовкой взаимодействия поколений 60-х и 80-х гг. Таким

образом, мы видим двойную поколенческую идентификацию на примере семьи Амфитеатрова. В.Н. Амфитеатров принадлежал к духовенству, которое в 1860-х г. определялось как новое поколение и фактически совпадало по характеристикам с такой группой как интеллигенция, не случайным было появление понятия ‘поп-интеллигент’. А.В. Амфитеатров писал о своем отце: “Поколение, философски образованное, не чуждавшееся светской культуры, усвоившее и проповедовавшее религию более в духе, чем в букве, в смысле, чем в обряде, избравшее себе любимой заповедью: милости богу, а не жертвы, смотревшее на себя как на общественных деятелей, избранных богом быть ходатаями и заступниками своей паствы, не только пред небесами, но и под житейскими грозами от властей и сильных мира сего. Благородная порода этих ученых и гуманных батюшек была, конечно, очень немногочисленна в то дикое время, но зато была жертвенно деятельна, и хотя ее теснили и следили за ней зорко, как за не совсем благонадежною, однако ее и ценили. Мой отец принадлежал именно к этому поколению и был одним из его лучших и выразительнейших представителей” (Амфитеатров 2004: 35). Заметим, что характеристики образованности, немногочисленности, общественной деятельности, служения народу и вследствие этого небла-

гонадежности, полностью совпадают с характеристиками интеллигенции второй половины XIX в., для которой поколение 1860-х формировало образцы поведения и идентификации.

Другой, еще более яркий и типичный представитель поколения '60-ков' для А.В. Амфитеатрова – это его дядя, А.И. Чупров, также из семьи священника, семинарист, ставший известным ученым и одним из самых популярных профессоров Московского университета. А.В. Амфитеатров писал о А.И. Чупрове в своих воспоминаниях, особо подчеркивая его влияние на формирование собственного мировоззрения. Чупров стал одним из героев романа Амфитеатрова *Восьмидесятники* и ему же был посвящен сам роман. Чупров, по мнению Амфитеатрова, воплощал в себе все лучшие качества интеллигента-шестидесятника, такие, как образованность, вера в идеалы, служение обществу и прогрессу, нравственная чистота. “Чупров был продукт и герой интеллигенции и интеллигенцию же творил и размножал. [...] Он последовательно и неугомонно толкал мысль своих слушателей вперед, к прикладным усилиям социального прогресса, прививал им не мертвую науку для науки, но практическую, строго целесообразную программу жизни и деятельности на пользу цивилизации – родины и человечества” (Амфитеатров 2004: 46-47). Ярко

проявилась в характеристике Чупрова ключевая дефиниция '60-ков' – служение общественным идеалам (именно по линии “общественное – индивидуальное” затем будут противопоставляться поколения 1860-х и 1880-х годов). Амфитеатров писал о нем: “Человек без частной жизни, весь он был – добрый общественный подвиг, не изменяемый течением свершающихся лет, непоколебимо крепкий верою в ‘человечества сон золотой’” (Амфитеатров 2004: 47). Примечательно, что характеристика Чупрова больше напоминает характеристику духовного лица, пастыря, как использованием слов ‘отец’, ‘светский духовник’, ‘умиротворитель’, ‘исцелитель’, так и в целом созданием образа заступника и утешителя, наставника молодежи, ‘проповедующего’ с университетской кафедры, спасающего ‘заблудшие души’ от радикализма. “Много матерей молит Бога за Александра Ивановича, потому что много горячих голов спас он своим словом и ходатайством на краю неминуемой преждевременной гибели и, направив их своим ласковым, разумным влиянием в русло спокойного и рабочего прогресса, сохранил их целями и полезными как для самих себя, так и для русского общества” (Амфитеатров 2004: 43). В характеристике Чупрова проявляется сохранение религиозного компонента в языке самоописания интеллигенции, складывавшегося

под влиянием тех же талантливых семинаристов, и стремление поколения интеллигенции 1860-х годов поставить науку на место религии, а за собой закрепить роль новых духовных наставников.

Показательно, что идея преемственности поколений выразилась не только в создании образа '80-ков', отталкиваясь от представлений о '60-ках', но и в соединении '60-ков' с поколением 1840-х гг. Грановский, Герцен представлялись идеалами русской интеллигенции (при этом надо учитывать, что имя Герцена до начала XX в. по цензурным условиям нельзя было упоминать в печати). И не случайно, говоря о Чупрове как представителе поколения 1860-х, Амфитеатров видит в нем и человека 1840-х гг. – "романтик прогресса, идеалист и идеализатор, восторженный и несколько сентиментальный мыслитель, любвеобильный до самозабвения и очень торопливый деятель" (Амфитеатров 2004: 54).

Отношение к поколению шестидесятников как к поколению 'отцов' характерно для поколения восьмидесятников, при этом в публицистике конца XIX – начала XX вв. явно доминируют негативные оценки восьмидесятников и идеализация 'славного прошлого', эпохи 1860-х гг. Основной мотив публикаций на поколенческую тематику – несоответствие восьмидесятников идеалам 1860-х, утрата преемственности поколе-

ний в борьбе за 'новую' Россию. При этом сама идея значения преемственности поколений в истории, заданная во многом теорией позитивизма, является одной из центральных. Конструирование поколенческой идентичности происходит по принципу противопоставления неоправдавших надежд детей героическим отцам. Н.В. Шелгунов писал о 'восьмидесятниках': "Одни из них сели под елью, другие сформировали 'новое литературное поколение', третьи начали читать книги Ману и ушли в буддийскую мораль, четвертые отправились в паломничество к графу Л.Н. Толстому. Все это были лишь разные формы личного эгоизма, стремление единоличного я создать себе место в природе и найти ублаговую атмосферу в независимом личном положении" (Шелгунов 1895: 640). Отсутствие поколенческой солидарности, общих транслируемых идеалов, индивидуализм, трактуется Шелгуновым как отрицательное качество поколения, в противовес сплоченности шестидесятников в борьбе за 'новое' общество.

Закрепившийся в общественном сознании образ поколения 1860-х гг. как 'новых людей' России, бывший мощным инструментом формирования социальной солидарности, продолжал выступать значимым идентификационным конструктом и для следующих поколений русской интеллиген-

ции. Так, например историк А.А. Кизеветтер пытался изменить сложившееся представление о поколении восьмидесятников, при этом основным аргументом было соответствие идеалов его поколения требованиям 1860-х гг., отрицание эгоизма и демонстрация активной общественной позиции: “Русская молодежь 80-х годов нередко изображается одной краской, как поколение, якобы совершенно отпрянувшее от увлечения общественными идеалами, и с головой ушедшее в мелкие личные интересы. Я сам принадлежу к этому именно поколению, являясь сверстником А.А. Корнилова, и могу дать точное свидетельское показание о том, что такое огульное суждение о студентах – восьмидесятниках далеко не отвечает действительности” (Кизеветтер 1926: 234).

Таким образом, диалог шестидесятников и восьмидесятников стал важной составляющей поколенческого дискурса в конце XIX – начале XX вв., причем даже в противопоставлении поколений ярко проявлялась преемственность характеристик, сохранение общей основы конструирования поколений.

Амфитеатров, идентифицируя себя с поколением 1880-х, в статье *Неудачное поколение* воспроизводит все типичные для публицистики начала XX в. характеристики поколений 1860-х и 1880-х гг. С поколением 1860-х ассоциируется

‘мощный гражданский идеализм’, ‘эпоха надежд и общественного подъема’, ‘славные дела и дни работы для потомства’, ‘доблестные граждане’, ‘светлые личности’, поколение 1880-х характеризуется как ‘упадочная эпоха общественного уныния’, ‘безделие и безмыслие’, ‘жалкое поколение’, приводя примеры обвинений ‘детей’ в том, что они не умеют мыслить, у них нет идеалов, они лишены принципиальной чуткости и им нечего передать потомству. При этом Амфитеатров считает ситуацию поколенческого разрыва типичной для любой эпохи: “... ни одно поколение к последующему за ним восторга не испытывает, ни одно поколение к предшествующему большого уважения не питает” (Амфитеатров 1903: 51). Но поддерживая и транслируя идею поколенческого разрыва, Амфитеатров изменяет привычную структуру поколенческого дискурса как обращения ‘отцов к детям’, и выступает в качестве представителя поколения 1880-х, обращаясь к ‘отцам’, возлагая на них вину за ‘потерянное поколение’. С одной стороны, такое обращение к ‘отцам-шестидесятникам’, которые много сделали для страны, ее реформирования, но не смогли воспитать достойных преемников, передать лучшие традиции своего времени, является новым и даже провокационным по отношению к ‘великой’ эпохе 1860-х гг. С другой стороны, апелляция к отцам

и негативность оценок предшествующего поколения была задана поколенческой риторикой тех же 1860-х гг., возлагавшей на 'отцов' 1840-х годов ответственность за отсталость страны и на противопоставлении им конструируя собственную позитивную идентичность как новых людей.

Разрыв поколений '60-ков' и '80-ков', с точки зрения Амфитеатрова, произошел в 1870-х годах, когда формировалось мировоззрение молодого поколения, и решающее влияние на этот процесс оказали не 'отцы – бо-ки', а классическая гимназия как инструмент государственной политики, в результате деятельности которой два поколения стали говорить на разных языках. Подчеркнутое различие языков двух поколений выступает ярким воплощением поколенческого разрыва, отражая различие в системе ценностных ориентаций. В то же время сохранение значения поколенческой риторики и поколенческой идентичности показывает сохранение преемственности в способах идентификации, сохранение и использование единого социокультурного кода русской интеллигенцией. Общим для разных поколений интеллигенции является и отношение к власти, государству, на которое возлагается ответственность за разрыв поколений. И образ 'толстовской' классической гимназии служит воплощением реакционной политики в це-

лом. Амфитеатров сам учился в классической гимназии (шестой московской гимназии), оставив в своих воспоминаниях яркие характеристики учителей и гимназической жизни. Он признавался, что "если я что-либо ненавидел от всей моей юношеской души, так это классическую гимназию окаянного 'толстовского' периода, в которой имел несчастье получать бездушное образование и никакого воспитания" (Амфитеатров 2004: 84), выразительно называя себя "строптивым и ленивым узником в каторжной тюрьме толстовского классицизма" (там же, 318). Такое отрицательное отношение к классической гимназии (бывшей предметом острой как педагогической, так и политической полемики), было свойственно не только Амфитеатрову. При этом в своих воспоминаниях он отмечает, что его мать, Елизавета Ивановна, из рода Чупровых, отличаясь чрезвычайной мягкостью характера, категорически не принимала реформы образования Д.А. Толстого, считая его фактически личным врагом, не заслуживающим прощения. Как писал Амфитеатров: "И вот, однако, в душе такой-то женщины жила все-таки одна ненависть – настоящая, страстная, непримиримая, не желающая слушать никаких оправданий, ненависть к человеку, которого она никогда не видела, – к графу Д.А. Толстому. При ней лучше было не называть его

имени, потому что она мгновенно расстраивалась до горьких слез, проклиная Толстого как погубителя юного поколения...” (Амфитеатров 2004: 318). Таким образом, в поколенческом дискурсе нашло отражение семейное и общественное восприятие классической системы образования.

Преемственность поколений

Поколенческая идентичность актуализируется в условиях послереволюционной эмиграции, когда остро встает вопрос о преемственности традиций, культуры, сохранения национального наследия. Для эмигрантского ‘сообщества’ проблема взаимоотношений ‘отцов и детей’ приобретает новый характер, выражаясь в осознании поколенческого разрыва, угрозе прерывания традиции национальной культуры, стремлении найти способы сохранения связи поколений в условиях адаптации в другой стране. Кроме того, трудности адаптации актуализируют необходимость укрепления связей внутри эмиграции, и принадлежность к одному поколению становится одним из символов выражения солидарности, значимым способом идентификации и самоидентификации. Общность пережитого прошлого и общность воспоминания об этом прошлом укрепляют именно поколенческую идентичность, тогда

как социальная и профессиональная идентичности, которые доминировали в российском образованном обществе до 1917 года, ослабляются вследствие утраты прежнего социального и профессионального статуса. При этом поколенческая идентичность оказывается тесно связанной с национальной идентичностью, так как принадлежность к поколению, жившему в дореволюционной России, воспринимается как принадлежность к утрачиваемой в условиях эмиграции национальной культуре, снимая тем самым существовавшие различия внутри и между поколениями. Поколение ‘восьмидесятников’ трансформируется в старшее поколение ‘потерянной’ России, становясь одним из образов прошлого, способом репрезентации этого прошлого и значимым способом самоидентификации в условиях разрушения прежней иерархии идентичностей. Марк Алданов в письме к А. Амфитеатрову от 15 февраля 1936 г. писал: “Молодое поколение нас всех не читает, – оно денационализируется не по дням, а по часам, по крайней мере, во Франции, не знаю, как у Вас. А старшее вымирает” (Алданов 1936). Показательно, что противопоставление старшего и младшего поколения происходит на основании сохранения/утраты национальной идентичности, а национальная идентичность связывается с русской литературой как важнейшим

элементом культуры и способом трансляции культурных ценностей. Заметим, что это традиционный для русской интеллигенции способ идентификации по кругу чтения, подчеркивающий не только литературоцентричность русской культуры, но и отражающий специфику субкультуры русской интеллигенции. При этом старшее поколение (1880-х годов) соединяется со следующим поколением начала 1900-х (к которому принадлежал по возрасту и сам Алданов) в одно 'воображаемое сообщество', как сохранившее национальную идентичность, противопоставляясь молодому поколению, утрачивающему связь с русской культурой.

С другой стороны, еще в 1920-е гг. представление о молодом поколении связывается в эмиграции с надеждой на возрождение России, соединяя понятия 'молодость' и 'будущее', в то время как 'старшее поколение' ассоциируется с прошлым, отжившим. При этом смысловая связь старшего поколения и прошлого может быть различной, выражаясь в различных оценочных характеристиках. В одном случае подчеркивается утрата исторической роли, уход с исторической сцены, прекращение активной деятельности, в другом случае, акцентируется сохранение значения старшего поколения как хранителя и транслятора системы ценностей и культурной традиции, его роль наставника для

младшего поколения, функция обеспечения связи поколений и преемственности культуры. В одном из писем в 1936 году Амфитеатров, используя понятие 'старая гвардия', соединяя его с понятием 'славное прошлое', создает положительный образ старшего поколения, в котором выражается и ностальгия по утраченной родине, и надежда на сохранение национальной культуры. "А теперь, когда наше поколение так явно идет на убыль, особенно дороги делаются хорошие и талантливые люди 'старой гвардии', которые своему славному прошлому не изменили и шпаги своей не продали новому веку, а продолжают бодро и высоко держать свое знамя к славе собственного имени и русского искусства" (Амфитеатров 1936).

В поколенческих концептуализациях 'молодежь' занимает особое место, выделяется как особая возрастная когорта. Как показывает исследование И. Каспэ, молодое может пониматься, во-первых, как 'современное', существующее 'здесь и сейчас', и, во-вторых, как неопытное, вторичное, остро нуждающееся в старших наставниках, т.е. при определении молодости используются два основных критерия – возрастной и статусный. Характеризуя метафорику 1920-30-х гг., И. Каспэ пишет: "Молодость представляется если не действующей силой, то, во всяком случае, площадкой для отыгрывания новых смыслов. Вместе с тем

молодость может восприниматься через символы 'потерянности', 'заброшенности', 'утраты ориентации' в изменчивом мире, а 'общество взрослых' – как неспособное удовлетворить предъявленные ему ожидания, поддержать 'естественный процесс' передачи норм и ценностей" (Каспэ 2005: 87-88).

Соответствующие представления о молодежи как о потенциальной силе, по отношению к которой старшее поколение должно выступить в качестве наставника, прослеживаются в письме Амфитеатрова к Арцыбашеву в связи с публикацией *Записок писателя*: "И то обстоятельство, что такие слова исходят от Вас, должно иметь большое влияние на сильно читающую Вас и сильно верящую Вам молодежь. А ведь, по правде говоря, только ею и стоит сейчас заниматься, на нее только и возможно уповать. Все старше – и честное, и бесчестное – 'обесмысленные щепки когда-то гордых кораблей', коим кораблями уже не быть опять. Даже если бы и могли, не успеют, даже если бы успели, не смогут. Имею право говорить так о других, потому что и самого себя из этого числа отнюдь не исключая" (Амфитеатров 1923).

Идея смены поколений может относиться как к молодежи в целом, воспринимаемой как социальная категория, так и воплощаться в рамках семьи, но молодое поколение неизбежно связано с понятием 'новизны'

и будущего, а преемственность поколений рассматривается как необходимое условие не только движения вперед, но и сохранения традиций. Как показывает исследование эмиграции 1920-30-х гг. И.Каспэ, "ожиданию 'смены' сопутствует неприятие идеи поколенческого разрыва: важна генеалогия, преемственность – русская литература эмигрировала, но не исчезла" (Каспэ 2005: 58). Заметим, что идея преемственности поколений и культуры, активно транслируемая интеллигенцией в этот период, оказывается тесно связанной с непосредственной функцией интеллигенции, функцией сохранения и трансляции культуры, а также представляет один из устойчивых компонентов поколенческого дискурса, не связанного только с эмиграцией, а фиксируемого и в поколенческой риторике, характерной для дореволюционной России. Так, в романе *Восьмидесятники* студенты-первокурсники Московского университета с восторгом слушают речь Чупрова о задачах нового поколения интеллигенции, главная идея которой – преемственность поколений, значение молодежи в продолжении дела отцов. "Я верю, я хочу верить и буду верить, что славный героический период не отбыл бессрочно в прошлое! Живой дух его веет над нами, тропа его не гложет – он ждет продолжения и развития своих начал от новых поколений,

идуших на смену былым бойцам и деятелям. Старое старится, молодое растет. За юностью – будущее” (Амфитеатров 1907: 104). Таким образом, идея преемственности, связи поколений оказывается более устойчивой и востребованной, чем идея поколенческого разрыва. Связь поколений провозглашается интеллигенцией важным условием реформирования страны, выступая способом укрепления социальной солидарности, а затем становясь необходимым условием сохранения национальной культуры.

Роль литературы в поколенческой идентификации. Писатели как символы поколения

Как один из важнейших символов поколения, способом конструирования поколенческой идентичности и выражения поколенческой солидарности в российском обществе выступает круг чтения или отношение к тому или иному писателю. Это ярко демонстрируют многочисленные мемуары представителей русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. Отношение к Тургеневу, Пушкину, Толстому, Достоевскому, Некрасову постоянно фиксируется в мемуарно-автобиографической литературе как отличительная черта поколения. Не случайно, характеризуя своего отца и дядю как представителей

поколения ‘60-ков’, Амфитеатров особо отмечает, что они читали в 1860-е: Бокля, Милля, Маколея, Тьерри и конечно, Чернышевского, а среди выписываемых на скудные средства журналов были «Современник» Некрасова, «Время» Достоевского и сатирический журнал «Искры» Курочкиных.

В 1909 году в связи с празднованием 100-летнего юбилея со дня рождения Н.В. Гоголя, Амфитеатров публикует ряд очерков, в которых ярко раскрываются особенности поколенческой идентификации на этом же основании: “И наше поколение восьмидесятников было последним, которое могло еще смолodu воспринимать Гоголя более или менее непосредственным национальным впечатлением, не нуждаясь в комментировке историческими данными эпохи и места действия. Живы были отцы, на свежей памяти которых реформы Александра второго переродили гоголевские типы в щедринские. Живы были деды – сами еще гоголевские типы. [...] Если наше восьмидесятное поколение было последним по конкретной любви к Гоголю, то оно же было и первым, которое стало выбиваться из-под его художественной диктатуры. Реалисты шестидесятых годов, народники семидесятых – бесповоротные, фанатические гоголевцы” (Амфитеатров 1909: 23-26). В качестве примера ‘восьмидесятника’-гоголевца Амфитеатров приводит в

своих воспоминаниях известного журналиста В.М. Дорошевича: “Из русских писателей Дорошевич больше всех любил Гоголя. Художественные его произведения знал наизусть, от первого до последнего слова. В *Переписку с друзьями* и *Авторскую исповедь*, конечно, и не заглядывал, как и все мы, тогдашняя молодежь [выделено нами – Т.С.] ...” (Амфитеатров 2004: 174). В данном случае речь идет не только об отношении к писателю и его произведениям, но и об отождествлении литературных персонажей с поколением определенной эпохи, что позволяло им быть хорошо узнаваемыми. Для Амфитеатрова также важны нюансы, детали описания, которые могли быть полностью ‘прочитаны’, ‘раскодированы’ только в рамках культуры той эпохи, к которой принадлежали эти литературные герои, что создавало и почву для особого отношения к писателю. Например, для В.Н. Харузиной именно Тургенев стал символом поколения, поскольку по ее словам, “тургеневские типы и жизнь, им описанная, были нам гораздо ближе и понятнее, чем современному поколению” (Харузина 1999: 393). Узнавание и отождествление себя с литературным персонажем было одной из причин, почему литературные произведения становились символами поколенческой идентичности и солидарности. Тургенев являлся также одним из литературных

кумиров Амфитеатрова, причем именно в молодые годы. Как писал Амфитеатров в своих воспоминаниях о начале 1880-х гг.: “Я в то время был без памяти влюблен в Тургенева, поклонялся ему как божеству, любовался им до смешного” (Амфитеатров 2004: 108). А характеризуя В.М. Дорошевича, Амфитеатров отмечал, что “в качестве раннего ‘восьмидесятника’ он был, конечно [выделено нами – Т.С.], усердным и убежденным ‘гейневцем’” (Амфитеатров 2004: 173). Значимость художественной литературы в русском обществе как выразителя общественных настроений и транслятора ценностей, усиливали ее роль и в процессе поколенческой идентификации. Ярким примером является *История русской интеллигенции* Д.Н. Овсяннико-Куликовского, в которой каждое поколение интеллигенции представлено через историю русской литературы.

Одним из способов идентификации было и отношение к Л. Толстому. Нельзя сказать, что представители поколения 1880-х были едины в своем отношении к восприятию Толстого, но при наличии в этом поколении как ‘толстовцев’, так и очевидных противников учения Толстого, все они безусловно признают величие Толстого как писателя, и обязательно фиксируют свое отношение к его творчеству. Например, Л. Толстой в изображении А.В. Тырковой не являлся духовным

наставником молодежи ее поколения, хотя признавался духовным вождем эпохи “затишья перед бурей”. Можно сравнить мнение Тырковой с признанием Амфитеатрова: “Да, правду-то сказать, для нашей восьмидесятной молодости [выделено нами – Т.С.] Толстой как этик не так много и значил, как для следующего поколения 90-х годов” (Амфитеатров 2004: 443). В мемуарах Тыркова подчеркивает, что на русскую молодежь Толстой оказал меньше влияния, чем на иностранцев, представляя отношение к Толстому как элемент некоей поколенческой солидарности молодежи, которое выражалось фразами: “нам он казался даже смешным”, “мы не увлеклись проповедью Толстого”, “ни для кого из нас Толстой не стал учителем жизни” (Тыркова-Вильямс 1998: 198). А.В. Амфитеатров, признавая великий художественный талант Толстого, отрицательно относился к толстовству, считая дидактику Толстого лишённой искренности и правды, а толстовский культ и толстовский авторитет называл “серьезнейшими моральными врагами-ослабителями революционной энергии” (Амфитеатров 1913). В газете «Одесские новости» в 1909 г., публикуя статью *Оклеветанный Чехов*, Амфитеатров писал об отношении Чехова к Толстому, также уважавшего Толстого-художника, но не признававшего Толстого как философа и религиозного учите-

ля, что, по мнению Амфитеатрова было невозможно для позитивиста, материалиста, врача, естествоиспытателя (заметим, что характеристика самого Чехова как яркого выразителя настроений ‘80-ков’, совпадает с характеристикой Базарова, человека 1860-х гг., что в очередной раз подтверждает устойчивость идентификационных связей поколения 1860-х и 1880-х гг.). Полностью совпадает с вышеуказанным и отношение к Толстому Дорошевича, причем Амфитеатров особо отмечает, что “‘толстовцев’, с Чертковым включительно, он терпеть не мог и не раз бичевал злыми сарказмами. Но сомневаюсь, чтобы у самого Льва Толстого был в литературном мире еще другой, столь же пылко влюбленный, искренне благоговейный поклонник и читатель. Влас обожал Толстого. И не только за *Анну Каренину*, *Войну и мир*, *Смерть Ивана Ильича* и пр., – не только Толстого-художника, которого уважали и любили мы, большинство ‘восьмидесятников’ [выделено нами – Т.С.], оставаясь весьма равнодушными и, пожалуй, даже враждебными к ‘философу Ясной Поляны’ и ‘апостолу непротивления злу’” (Амфитеатров 2004: 176). Подобное отношение к Толстому Амфитеатров считает типичным для поколения ‘80-ков’, однако отмечая различия внутри поколения по степени влияния творчества Толстого. “При всем моем глубоком уважении к

личности Л.Н. Толстого, при восторженном благоговении к его стихийному гению и великим заслугам в области литературы и общего русского культурного сознания, я должен с полной откровенностью заявить, что принадлежу к числу тех ‘восьмидесятников’ [выделено нами – Т.С.], в жизни и развитии которых Толстой прошел стороной и почти бесследно, с гораздо меньшим, например, влиянием, чем Достоевский, Салтыков, Успенский и даже Чехов” (Амфитеатров 2004: 443). Почему Толстой не оказал такого влияния на ‘тех восьмидесятников’? Возможно, причина кроется в той самой разделенности восприятия Толстого, которую отмечают современники, при востребованности интеллигенцией целостности творчества, мировоззрения, созвучности общественным настроениям и важности именно духовного учительства в литературе.

Выразителем мировоззрения поколения ‘80-ков’, ярким представителем этого поколения, воплотившем также многие его черты в своих героях, ставшими воплощениями определенного типа русского интеллигента, Амфитеатров называет А.П. Чехова: “Для меня Чехов – самая святая из святых русской литературы, непосредственно примыкающая к Пушкину и Лермонтову, любимая, как Салтыков, стоящая рядом с Достоевским и Толстым и для нашего поколения во многом выра-

зительнейшая и нужнейшая даже обоим последним” (Амфитеатров 2004: 466).

В чтении определенных писателей, признание их ‘духовными вождями’ или ‘глашатаями поколения’ ярко выражается как конфликт, как и преемственность поколений. Поколение ‘восьмидесятников’, признававшее огромное влияние Некрасова, соединяется в этом признании с поколением ‘семидесятников’ и ‘шестидесятников’, но отличается от поколения ‘девяностников’, ассоциируемого с именем Надсона. Имя Пушкина соединило в эмиграции представителей разных поколений, став символом уже не поколенческой, а национальной идентичности, о чем свидетельствуют юбилейные мероприятия 1937 г.

Религия в мировоззрении поколения 1880-х гг.

Проблема религиозности не являлась ключевой для поколенческой идентификации ‘80-ков’, так как острота полемики по вопросам веры, нигилистические настроения 1860-х годов утратили прежнее значение. Воспоминания Амфитеатрова демонстрируют отсутствие общих религиозных или напротив, анти-религиозных настроений в среде интеллигенции, которые могли бы стать средством формирования поколенческой со-

лидарности. Для молодежи 1880-х гг. вопросы религии не требовали повышенного внимания и обсуждения. Одной из причин было усвоение позитивного мировоззрения, влияние естественно-научного знания а, с другой стороны, официальной идеологии. В воспоминаниях '80-ков' часто звучит мысль об отрицательном опыте изучения религии в школе, который скорее оттолкнул от религии, нежели способствовал укреплению веры. "И религия, которую, кстати, усердно вытравляла из юношества 70-х и 80-х годов школа К.П. Победоносцева и Д.А. Толстого, для нас также была полосой гипотез, в которых не встречалось надобности. Поиски религии, так страстно наполнившие жизнь интеллигенции в 90-х годах, нам были дики" (Амфитеатров 2004: 445).

Религиозность '80-ков' весьма противоречива, глубина веры могла сочетаться с демонстративно вызывающим поведением в церкви, написание святочных и пасхальных рассказов – с аналитическими статьями о дьяволе и язычниках. Может быть поэтому и религиозная проповедь Толстого оставила большинство из них равнодушными, или даже оттолкнула от Толстого, несмотря на уважение к нему как писателю. Амфитеатров, например, писал о В.М. Дорошевиче как о человеке религиозном, в котором религиозные начала были прочно заложены

приемными родителями: "Вопреки порывам и буйствам неуходившегося темперамента, Влас, повторяю, никогда не был не только иррелигиозным, но даже равнодушным и безразличным к религии. Сдержит Господу Богу своему мог – и очень! Уйти же от него и погрузиться в безверие – нет. К 'богоборчеству', крикливою модою на которое ознаменовалось начало русского XX века, Дорошевич относился с совершеннейшим презрением, аттестовал его 'малограмотным мальчишеством' и уморительно высмеивал в своих великолепных пародиях. Из 'религиозной подоплеки' рождалась широкая веротерпимость, очень симпатично сквозящая в писаниях Власа во всех периодах его творчества, и глубокое, бережное уважение ко всем культам и историческим фигурам религиозно-этического типа" (Амфитеатров 2004: 175). Такую же веротерпимость проявлял и сам Амфитеатров, хотя писал о себе как о человеке нерелигиозном, несмотря на происхождение из духовенства: "Я никогда не был религиозен, но в юности своей пережил довольно длинный период настроения, которое в 30-х и 40-х годах, с легкой руки Гейне, получило название 'христианского романтизма': любил писать легенды о Христе и святых, с красивою фантастикою, напитанною пантеистическим лиризмом" (Амфитеатров 2004: 445). Тема религии, история

различных религиозных культов, святых, период раннего христианства неоднократно привлекали внимание Амфитеатрова, находя отражение в его публицистических, научных и художественных произведениях.

Создавая портрет своего поколения, Амфитеатров отмечает равнодушное отношение к религии, далекое от страстных споров 'бо-ков', обобщая: "Ведь для нас, 'восьмидесятников', [выделено нами – Т.С.] религия была выветренным, пустым местом, историческим недоразумением, бытовым пережитком" (Амфитеатров 2004: 174). Хотя в послереволюционной эмиграции отношение к вере изменится у многих представителей этого поколения, религия станет для них одним из важных элементов сохранения национальной идентичности и культуры, духовной опорой в жизни без родины.

***

Подводя итоги, заметим, что поколенческая идентичность во второй половине XIX-начале XX вв. стала одной из значимых форм самоидентификации и идентификации русского образованного общества, способом репрезентации истории интеллигенции, осмысления связи исторического прошлого и настоящего. Изменение социальной структуры российского общества под влиянием

модернизационных процессов, формирование интеллигенции как особой группы и трансформация ее в профессионалов, актуализировало идентификационные поиски, создание и использование новых идентификационных конструктов, одним из которых и стало 'поколение'. Социально-культурная идентификация по поколенческим основаниям была более пластичной, по сравнению с существовавшей сословной официальной стратификацией, и была востребована интеллигенцией для выражения одной из основных ценностей – преемственности культуры и развития общества. Поколенческий дискурс оказался очень устойчивым, позволяя выражать различные идеи (политические, социальные, национальные), а образы различных поколений конструировались по общим основаниям, создавая культурную традицию и 'мифологию' русской интеллигенции.

Библиография

Алданов 1936: Алданов М. – Амфитеатрову А.В., 15 февраля 1936, The Lilly Library, Indiana University.

Амфитеатров 1936: Амфитеатров А.В. – Сергею Александровичу, 15 ноября 1936 г., Леванто, The Lilly Library, Indiana University.

Амфитеатров 1923: Амфитеатров А.В. – Арцыбашеву М.П., 19 декабря 1923 г., Леванто, The Lilly Library, Indiana University.

Амфитеатров 1913: Амфитеатров А.В. – Анне Ивановне, 28 сентября 1913, Леванто, The Lilly Library, Indiana University

Амфитеатров 1907: А. В. Амфитеатров, *Восьмидесятники*, т. I, Санкт-Петербург, 1907.

Амфитеатров 2004: А. В. Амфитеатров, *Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. В 2-х томах*, Новое литературное обозрение, Москва, т. I, 2004.

Амфитеатров 1903: А. В. Амфитеатров, *Житейская накипь*, СПб., 1903.

Амфитеатров 1909: А. В. Амфитеатров, *Заметки сердца*, Москва, 1909.

Дубин 2002: В. Б. Дубин, *Поколение: социологические границы понятия*, «Мониторинг общественного мнения», 2002, II, С. 42-46.

Иванов-Разумник 1997: Иванов-Разумник, *История русской общественной мысли: В 3 томах*, Терра, Москва, 1997, т. 3.

Каспэ 2005: И. Каспэ, *Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы*, Новое литературное обозрение, Москва, 2005.

Кизеветтер 1926: А. А. Кизеветтер, А.А. Корнилов, «Голос минувшего на чужой стороне», Париж, 1926, IV.

Мангейм 2000: К. Мангейм, *Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции*, ИНИОН РАН, Москва, 2000.

Нора 1998: П. Нора, *Поколение как место памяти*, «Новое литературное обозрение», 1998, XXX, С. 48-72.

Овсяннико-Куликовский 1907: Д. Н. Овсяннико-Куликовский, *История русской интеллигенции*, Санкт-Петербург, 1907.

Родигина, Сабурова 2011: Н. Н. Родигина, Т. А. Сабурова, *Поколенческое измерение социокультурной истории России XIX в.: преемственность и разрывы*, «Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории», вып. 34, ИВИ РАН, Москва, 2011, С. 138-157.

Тыркова-Вильямс 1998: А.В. Тыркова-Вильямс, *Воспоминания. То, чего больше не будет*, Слово, Москва, 1998.

Чудакова 1998: М. Чудакова, *Заметки о поколениях в советской России*, «Новое литературное обозрение», 1998, XXX, С. 73-91.

Шелгунов 1895: Н. В. Шелгунов, *Борьба поколений, Очерки русской жизни*, Санкт-Петербург, 1895.

Яковенко 2005: И. Г. Яковенко, *Механизмы культурной динамики и смена поколений, Поколение в социокультурном контексте XX века*, Наука, Москва, 2005, С. 112-129.

Bushnell 1999: J. Bushnell, *Ellice Kimerling Wirschafter, Social Identity in Imperial Russia*, «The Journal of Modern History», December 1999, LXXI, 4, pp. 1016-1018.

Lovell 2008: S. Lovell, *From Genealogy to Generation. The Birth of Cohort Thinking in Russia*, «Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history», Summer 2008, IX, 3, pp. 567-594.

Wirschafter 1997: E. K. Wirschafter, *Social Identity in Imperial Russia*, Northern Illinois University Press, Illinois, 1997.

